

Михаил ОКУНЬ

Михаил Окунь родился в 1951 году в Ленинграде. Окончил ЛЭТИ им. В.И. Ульянова (Ленина). Работал радиоинженером, литературным консультантом в ленинградской писательской организации СП СССР, редактором. Автор десяти сборников стихов и трех книг прозы. Публикации в журналах «Звезда», «Урал», «Нева», «Крестьянник», «Интерпоэзия», «Зинзивер», а также в альманахах, антологиях в России и за рубежом. Золотая медаль 2-го Международного конкурса современной литературы «Лучшая книга – 2010» (Берлин, 2011) в номинации «Малая проза». Лауреат премии журналов «Звезда» (2019), «Зинзивер» (2014, 2016), «Урал» (2006). С 2002 года живет в Германии. В «Волге» публиковались стихи и рассказы.

ХОРОШИЙ СОН

Рассказ

Беда в том, что в последнее время меня никто не слушает. Раньше еще как-то выслушивали, а теперь нет. То есть перебивают, не дают договорить. Либо на что-то отвлекаются, отворачиваются, отходят бочком. Либо начинают говорить между собой. И моя речь зависает в воздухе мыльным пузырьком, который через пару секунд лопается, как ему и надлежит. Потому что я не могу говорить, когда мне не смотрят в лицо и не выказывают знаков заинтересованности, типа «ну, да» или кивка головы. Говоря всё это, я имею в виду домашних. С прочими я не общаюсь совсем.

Впрочем, есть один член семьи, который слушает внимательно, глядя в глаза. И даже иногда пытается что-то ответить. Это собачка Лиза породы джек-рассел.

Вот последний пример. Что если бы я захотел в подробностях пересказать следующий сон, приснившийся мне под утро?

Действие в нем происходит на Новоизмайловском проспекте в Ленинграде. Там стоит дом, в котором когда-то в 60-х годах купил кооперативную квартиру мой отец. И сейчас там живет. Хотя я знаю, что он давно умер, но как бы он жив и продолжает там жить.

Я же в данный момент нахожусь за две-три остановки от него, в другом доме, где находится контора какого-то не крупного строительного начальника, отвечающего (перед кем?) за ремонт квартир. И я почему-то имею право получить от него бесплатно кафельную плитку, необходимую для ремонта ванной комнаты на квартире отца.

Ситуация, на первый взгляд, проста. Но внезапно я обнаруживаю, что не знаю ни количества необходимой мне плитки, ни ее цвета. И горизонт заволакивает мраком...

Если я назову неправильные данные, занижу потребность или напутаю цвет, мне придется либо выклянчивать у начальника дополнительную плитку, либо тащить кафель обратно для обмена. Строитель может поругать меня за бестолковость и в лучшем случае удовлетворить мою просьбу, а в худшем не удовлетворить. И тогда, приехав домой на проспект Энергетиков, который на противоположном конце огромного города, я увижу упрекающий взгляд мамы – мол, не сделал дела как следует, не довел до конца. Я знаю, что она умерла, но этот взгляд увижу. А потому надо что-то предпринимать...

Тут хотелось бы обрисовать офис, как теперь выражаются, этого строительного начальника в том виде, в каком он присутствовал в моем сне.

Начальник сидел за небольшим шатким столиком на лестничной площадке. Столик стоял у самых ступенек, у верхнего края лестничного марша. Таким образом,

проситель автоматически оказывался на ступеньку, а то и на две, ниже уровня начальника. Кроме того, поверх ступеней были проложены узкие хлипкие мостки, защита их от шаркающих подошв посетителей. И отойти от стола можно было только с трудом разминувшись со следующим просителем.

Сам столик был завален какими-то мятыми бумагами типа накладных. Тут же стояли упаковки с кафелем. Он был всего двух цветов – белого и голубого.

Внешность начальника не вызвала у меня никаких опасений. Широкое ясное лицо пожилого человека. Хотя и не без хитринки, конечно. А как иначе? Было несколько актеров кино такого типа внешности в советском кинематографе. Председателей играли, директоров заводов, полковников милиции. На лацкане моего начальника красовался нагрудный знак установленного образца – «Заслуженный строитель РСФСР» (такие подробности лишний раз свидетельствуют о необычности сна). Опасения же вызвала внешность его помощника или секретаря.

Этот молчел был коротко стриженным брюнетом с крепкой круглой головой. Глаза его были без зрачков и смотрели как два пистолетных дула. Они источали холодную ненависть. В первый момент они привели меня в такое паническое состояние, что я чуть было не смалодушничал и не проснулся досрочно, проблемы не решив.

В общем, чтобы разрешить все вопросы, я решил позвонить отцу. Он был после инсульта, и говорить с ним было трудно. Никаких мобильных в моем сне, разумеется, не было.

На столике начальника кроме прочего стоял телефонный аппарат, заслуживающий отдельного описания. Он был без корпуса, внутренностями наружу. Без диска, а вместо него торчали какие-то кривые обрубки негнувшейся проволоки, снабжённые на конце кнопками с цифрами. Чтобы набрать номер, надо было на них давить и осторожно углублять.

Я попросил разрешения позвонить. Секретарь вдруг вскричал:

– Да что ж вы, бл...ь, тормозитесь здесь без всякого побудительного повода?!

И поверг меня этой фразой в полное изумление. Если бы не одно лишнее слово, она сделала бы честь любому русскому классiku девятнадцатого века.

Тем не менее добрый начальник благосклонно кивнул, и я начал по памяти, с осторожностью набирать номер отца. Чувствуя спиной жгучую волну недовольства следующего просителя. «Возьми трубку! – мысленно твердил я. – Возьми!..»

Отец взял. Я начал с более простого вопроса о цвете кафеля. На другом конце провода, однако, стояло глубокое молчание.

– Ну же, папа, это просто! – сказал я. – Докатись до ванной, загляни. Здесь есть всего два цвета – голубой и белый (спохватился – зачем же я грузу его лишней информацией?).

Замечу, что отец передвигался по квартире на самодельном кресле, сделанном бывшими коллегами по работе на базе тележки от большого промышленного лампового осциллографа.

Внезапно он ответил:

– Пусть профессура решает!..

Какая профессура, о чем он?! Просто загляни и скажи. Но он стоял на своём – нет, пусть профессура...

Начальник с секретарем выжидательно и, как мне показалось, не без любопытства, смотрели на меня. Даже уровень ненависти в дулах секретаря поуменился.

И тогда я уже безнадежно задал вопрос о необходимом количестве плитки – мол, сколько там осыпалось. И внезапно получил конкретный чёткий ответ: «24 целых и 19 сотых квадратных дециметров!»

– Сколько? – пересохшим ртом выдавил я.

– Ну что «сколько»? – раздражённо ответил отец. – Площадь осыпания я тебе назвал, плитка 15 на 15 сантиметров, перемножь, подели, получишь десять плиток с довеском!

И резко повесил трубку. А я почувствовал, что по-прежнему нахожусь в четвертом классе начальной школы, а он, как всегда раздражаясь моей недостаточно быстрой сообразительностью, вдалбливает мне про эти квадратные дециметры...

Я получил одиннадцать кафельных плиток белого цвета (по поводу цвета решил волевым образом), сердечно поблагодарил заслуженного строителя и его грозного помощника, протиснулся мимо напивавшего сзади следующего и поехал к отцу. Но, не доехав, проснулся...

Таким образом сон, учитывая его окончание, был хорошим. За исключением одной детали, которую предстояло выяснить.

Вот и посудите сами – мог ли я в своём положении, когда меня не хотят слушать, в деталях пересказывать такой сон? А суть тут именно в деталях. Да я не добрался бы и до второй фразы!..

И когда она спросила меня: «Что так рано встал?», я ответил односложно: «Сны...»

«А-а... – сказала она. – С нею удалось поговорить?»

«Нет». – Снова односложно ответил я, и на этом вопрос был исчерпан.

(Тут надо пояснить, что когда мне снится покойная мать, я пытаюсь с нею заговорить, но она молчит и только смотрит. Но в сегодняшнем сне ее не было.)

Не без трепета включил я компьютер и открыл папку под названием «Новоизмайловский». В ней хранятся фотографии квартиры отца накануне сдачи, после его смерти. Один снимок, второй, вот, наконец, ванная... Кафель белый! Не промахнулся! Правда, поверху идет окантовка шириной в одну желтоватую плитку, но это пустяки. Проживем, на худой конец, и без окантовки!

– Лиза, Лиза! Иди сюда. Я расскажу тебе один хороший сон...